

Ирина РОДИОНОВА

ХЛЕБОПЕЧКА И МАЛЬДИВЫ

Р а с с к а з

В последний раз Тамара увидела ее серым ноябрьским утром. Небо вращалось в оледеневшую дорогу, пустые пятиэтажки дремали — жители их давно уехали на работу, и только барышни-пенсионерки куковали по домам. Тамара стояла на балконе, кутаясь в коричневую шаль, и выглядывала на улицу с четвертого этажа. Долго стоять с ее весом было непросто, и Тамара засчитывала балкон за зарядку, крепилась изо всех сил.

В морозы застекленный балкон покрывался узорами инея, но сейчас было тепло. Из квартиры пробивался запах гари — Тамара опять пыталась испечь хлеб по новому рецепту, и опять у нее ничего не вышло.

Опять. Опять-опять-опять...

Оленька медленно ковыляла к подъезду. Сверху она казалась черным круглым жучком — шла с осторожностью, крепко держалась за бамбуковые лыжные палки. Оленька гордо называла их скандинавскими, но Тамара знала, что подруга нашла их, старые и прогнившие, у местной школы на пустыре. Сын Никита помог Оленьке, обмотал их изолентой и заменил острые наконечники резиновыми нащелками, чтобы палки не царапали по асфальту. Зимой толку от резины не было, и Оленька скользила по присыпанной песком дороге, то и дело неуклюже взмахивая руками.

Тамара постучала в стекло пальцами, и Оленька остановилась. Вскинула лицо, заулыбалась, помахала. Сказала что-то, но слов за некрашеными рамами было не разобрать. Тамара распахнула окно и поежилась от ветра, который снова пришел из степей. Летом в их маленьком городке она спасалась от жара мокрыми простынями, а зимой предпочитала гулять на балконе.

— На улицу хоть выползи! — крикнула Оленька и шутливо погрозила пальцем.

Тамара махнула на нее рукой:

— Чтобы ноги все переломать? Спасибо, я и тут воздухом подышу.

— Ну и зря. — Оленька встряхнула белым пакетом в руке: — В «Светофоре» скидки на минтай, я на жареху почти килограмм набрала.

— А мне?!

— А ты разве просила рыбу?

— Значит, жди теперь дорогую гостью, — фыркнула Тамара и натянула шаль на голую шею. — Только в яйце обжарь, с манкой!

— Она еще и командовать будет!..

Даже с высоты четвертого этажа Оленька казалась усталой, возглас ее вышел отрывистым и слабым. Она стояла, опершись о лыжную палку, и глотала холодный воздух широко распахнутым ртом. Полнотелая, с дряблым лицом и смиренной улыбкой, Оленька одергивала пуховик и... казалась старушкой. Тамара приказала себе думать, что они просто женщины в самом расцвете сил.

До старости далеко.

Оленька с трудом заползла по ступенькам в подъезд, громыкнула железная дверь. Подруга всю жизнь прожила рядом, только на третьем этаже. В квартире у Оленьки Тамара куковала, когда Толик уходил в запой и лез с кулаками, а она боялась зашибить его сковородкой. Кормила Оленькиных детей овощными пюрешками и сливочным мороженым, когда муж уезжал на Север, на вахту. Они с Оленькой вообще были неразлучны, подружки-болтушки, только в чуть поувядших телах...

Тамара постояла еще немного, подождала, пока замерзнет. Вернулась с балкона и прикрыла за собой дверь — неплотно, чтобы гарь выветрилась поскорее.

А на следующий день Оленька умерла.

Тамара долго лежала, прислушиваясь к шорохам и крикам. Отципывала катышки с пледа и принималась к наволочке, от которой воняло дешевым порошком и еще более дешевым кондиционером. Внизу хлопали двери, скрипели деревянные полы и чужие голоса.

Вставать не хотелось. Если что и стряслось, то скоро прибежит Настя, Оленькина дочь. Можно полежать, понадеяться на хорошее. Хоть на что-нибудь... Разве можно так делать, без предупреждения и подготовки? Только-только на пенсию вышли, жить спокойно начали, и на тебе...

Разозлившись, Тамара поднялась с кровати. Накинула на плечи тяжелый халат, стянула с подоконника шаль. Прошлепала на балкон.

У подъезда стояла белая газелька с ржавыми потеками на дверях, рядом с ней курил пропитой мужичок, сплевывал себе под ноги. Темно-синяя роба с поеденным молю черным воротником, засаленные брюки и отсутствующий взгляд... Слишком уж хорошо Тамара знала этих людей.

С третьего этажа крикнули:

— Ильич, ну пошли!

Ильич буркнул, отшвырнул сигарету в сугроб и поплелся на подмогу. О том, что было дальше, Тамара старалась не вспоминать. О Настином зареванном лице, о лязганье ржавых дверей и бабском шушуканье со всех концов двора. Дом у них был «стариковский», строили его в восьмидесятые — крепкая хрущевка, выросшая на окраине специально для переселенцев с Севера. Молоденькая Тамара приехала сюда, на границу с Казахстаном, из Салехарда, здесь же познакомилась с Оленькой.

Их дом быстро ветшал. Все чаще в подвале рвались трубы с кипятком, все больше шелушилась краска на стенах подъездов. Старели и жильцы: там доживают свой век дед со сварливой бабкой, вон там — одинокая старушка, что кормит бездомных котов и воюет с соседями. А вот здесь все умерли, и квартиры перешли к наследникам. Все чаще и чаще их двор наполнялся далеким детским смехом, в подъезде под лестницей толпились коляски, а незнакомцы сидели на лавочках и караулили холодильники и телевизоры, пока грузчики перетаскивали нажитое добро. Но Тамара и Оленьки все еще жили в этих подъездах.

Правда, на одного человека сегодня стало меньше.

И вот так всегда. Стоило вспомнить о подруге, разжигая газ под чайником или вытряхивая половик с балкона, как мысли сами собой перескакивали то на состарившихся северян и чернобыльцев, то на окрестных старух, от которых Тамара держалась подальше, то...

Но Оленька все равно вспоминалась очень часто. Ждала за прикрытой дверью в ванную, стучала лыжными палками в подъезде, вздыхала в пустой квартире... Даже коробку с черным индийским чаем нельзя было достать без ее скрипучего голоса:

— Гадость, да еще и крепкий.

— Не всем же мочу разбавленную пить, как ты, — огрызалась Тамара.

— Ничего себе новости! Это где ты такое увидела?! Зверобой, чабрец, мать-и-мачеха...

— А вкуса все равно нет, что ты мне ни говори.

Они всегда любили беззлобно перешучиваться.

И над кем теперь Тамаре язвить, а?

Похоронили Оленьку на третий день. Дешевый, будто бы картонный гроб привезли к подъезду. Вокруг собрались незнакомые старики и старухи, они шептались и крестили по воздуху покойную, поправляли кружева на подкладке. Тамара сначала решила не ходить — давление скачет, спина ноет. Раньше Оленька ей поясницу мазала сиренью на спирту, а теперь только шаль и спасает от боли.

Вышла все-таки. Закуталась в поношенную шубу, еще из Салехарда привезенную, повыше натянула колючую шаль. Вспомнила, как боялась прощаться с погибшим дедом еще там, в родной деревеньке. Сколько ей было, семь или восемь? Она долго стояла поодаль, плакала от страха и молилась, чтобы ее не заставили целовать твердый дедов лоб. Он, наверное, был холодный, а вдруг еще и каменный, да и внутри от деда ничего не осталось, только оболочка эта серая, жуткая. Бабушка говорила, что дед теперь сидит на облаке и сверху на них дождиком плюется.

Тамара невесело улыбнулась и шагнула к Оленьке. Пригладила платочек на седой голове, губами прижалась к виску.

— Предательница, — шепнула едва слышно. — Куда ты так рано, а?!

Смерть давно не пугала Тамару, все там когда-нибудь будем. Этим утром она достала из шкафа траурное платье — бархатное и тяжелое,

с закрытыми рукавами. Тамара подумывала, что и хоронить ее надо в этом платье, больно уж оно дорогое и качественное, жалко выкидывать. Встряхнула, чтобы убрать соринки, но платье не успело запылиться. Слишком уж часто в последние годы умирали приятели или их родственники, да и собственную родню косило без разбора... Болезнь хоть и отступила куда-то на второй план, но разве от нее спрячешься?

Вон соседки даже на улице в масках стоят, дышат в теплую влажную марлю. Им, наверное, не сказали, что у Оленьки тромб оторвался и до мозга дошел, вот они и побаиваются. Хотя ковидных-то в мешках полиэтиленовых хоронят, в гробах закрытых, да и кто же позволит гроб к подъезду привезти...

На кладбище Тамара не поехала. Отсиделась дома, нечего кости морозить. Родные и соседки вернулись тихими и будто умиротворенными, начались поминки в квартире, и Тамара спустилась туда в траурном бархатном платье. В прихожей пахло вареным рисом, размоченным изюмом и блинами, все сталкивались локтями и шептались, а Тамара стояла у них за спинами и смотрела в Оленькину квартирку. На желтые обои, которые они вдвоем клеили и проглаживали утюгом, на лосиные рога над зеркалом в черной раме, на сваленные в кучу сапоги со сломанными «собачками» и тапочки в пятнышках сладкого киселя... Над телевизором в большой комнате висели акварельные пейзажи, среди березок и осинок белел мягкий пляжный песок и разливалось лазурное море — все в этой квартире пахло Оленькой, дышало Оленькой.

И так странно было думать, что Оленька не вернется.

Все зеркала заплаканная Настя завесила тканью, даже разломанную пудреницу у кровати положила стеклом вниз. На раму в прихожей набросили Оленькину вязаную кофту. Тамара взгляделась в черноту шерстяных петель, будто хотела увидеть себя. Но там, конечно, ничего не отражалось. ...Оленька ехидно прищурилась:

— Чего, сигареты? Нам что, по пятнадцать лет?

— Ты вообще курила когда-нибудь? — Тамара затянулась горячим дымом.

— Ни разу!

— Ну и дура.

— Почему это?

— Все в жизни надо попробовать.

— Ты, как всегда, права, — закивала Оленька. — Пожизненный срок за убийство, аборт и жертвоприношения, наркотики... Что еще предложишь, кроме сигарет, а, подруга?

— Ухохотаться можно, ну ты и юмористка. Нет бы что хорошее вспомнила... Долей вина лучше.

Тамара не курила много лет, а тут вдруг захотелось без причины. Она запекла шарлотку с корицей и магазинными кислыми яблоками, купила бутылку вина по акции, и теперь казалось, что они пьют разбавленный спирт. За окнами уютной Тамариной кухоньки стояла ночь.

— У Тани муж попал в красное отделение, — шепнула Оленька и быстро отхлебнула из кружки.

Тамара потушила сигарету:

— Еще один. На работе вирус подцепил?

— А я знаю? Танюшка плачет, говорит, что он под кислородом, на животе круглыми сутками. В соседний город его увезли, у нас, как обычно, позакрывали все, что только можно. Она теперь на автобусах мотается, воду ему в бутылках возит.

— А воды у нас тоже дефицит?

— Нет, но она в отделении только из-под крана есть, а он не хочет такую. Чужая вода, за желудок страшно. Вот она наливает ему полторашки и везет... А вчера, представляешь, развернули. Говорят, три бутылки, и все, медсестрам, мол, тяжело таскать на третий этаж. А Тане не тяжело возить из другого города?.. Она обратно две бутылки и привезла.

— Бросила бы там, и все. — От вина першило в горле.

Оленька отмахнулась:

— А бутылки потом откуда пустые брать? Даже вода теперь в магазине как из золота. На пенсию-то не разгуляешься особо.

— Ясное дело. Эх, Оленька ты, Оленька... И нас с тобой рано или поздно коронавирус этот сожрет. А там реанимация со старичками в компанию, ИВЛ и вещи в пакете для родственников...

— Типун тебе на брехун! — Оленькины щеки заалели румянцем. — У меня спирт в бутылочках в каждом кармане. Я маски ношу, меняю их и стираю. Я даже на прививку почти решилась...

Тамара хмыкнула и отломил кусок от пирога. Вот зараза, опять не пропекся — внутри тесто влажное и плотное, а внизу поджарилось черной корочкой. Чертова газовая плита, давно пора ее на помойку выбросить.

— Так что я умирать не собираюсь, — хорохорилась Оленька. — Мне Настя еще внуков обещала, двоих.

— Ей уж самой рожать скоро поздно будет.

— Ничего не поздно! Будем с коляской гулять, общаться с подрастающим поколением. Здорово же?

— Оптимистка. — Тамара приподняла кружку, расписанную розово-золотыми пионами. — Давай, за здоровье.

— И за близких, — поддакнула Оленька и звонко чокнулась полупустой кружкой.

Тамара не стала говорить, что из близких у нее только Оленька и осталась. Муж давно спился и помер, Господи, пусть земля ему будет пухом. В родительские дни Тамара даже на кладбище к нему ездила, куличи привозила и яйца крашеные, те, что в кастрюле при варке треснули. Детей у Тамары не было, бракованная она оказалась, пустая. Долго хотела из детдома взять, но всегда отговорка находилась: то у Толика запой, то на работе нервотрепки, то огород сажать, то картошку выкапывать, то сил нет... А потом и возраст, стыдно стало ребенка таким старикам

воспитывать. Так и прожили без детей. Настю вон Тамара растила почти на равных, да и с Никитой помогала.

Нормально все в жизни было. Нормально.

Теперь Тамара Оленьке даже завидовала. Вот змея, вечно чего-нибудь отчудит! То страховок каких-то закупит и живет месяц на макаронах, а Тамару с вареной скумбрией и гороховым супом на пороге разворачивает, гордая. То ногу сломает и припрыгает по лестнице на четвертый этаж, сумасшедшая.

То умрет так рано, да еще и так легко. Тамара завидовала этому больше остального — утром Оленька ладошкой махала и рыбой дешевой хвасталась, а вечером легла спать и не проснулась. Насте в морге сказали, что она не мучилась, не почувствовала даже. Вот бы и Тамаре так, лет через двадцать, не меньше...

Ноябрь расплзался по гулким одиноким комнатам. Тамара выметала его мокрым веником, сдувала пылесосом, даже купила в супермаркете подкрашенный суккулент с грязно-фиолетовыми листьями, и тот завял через два дня. На балкон Тамара выходила редко, но радовалась, что двор у них проходной: то малышня побежит из школы, бросаясь друг в друга портфелями, то машина забуксует в снежной каше, то кумушки остановятся языками почесать. Все чаще и чаще Тамара присаживалась к телевизору. От крикливых политиков у нее ныл затылок, зато от мелодрам тепло в душе, и даже скорбь как будто затихала внутри. Детские мультфильмы с лупоглазыми героями, концерты комиков и новости, музыкальные клипы и черно-белое кино... Тамара сидела в кресле и щелкала жареные семечки в эмалированную чашку, выходя только в кухню или в туалет.

Так было проще про Оленьку не вспоминать, не травить душу понапрасну. Она-то сидит себе в раю, змея, а им тут мучайся, горюй...

На четвертый день после похорон в квартире у Оленьки началась возня. Тамара проснулась в пять утра, послонялась по квартире, похрустела печеньем с ягодным джемом и даже вышла на балкон подышать. Потом прилегла на диван, задремала под телевизор. Проснулась от шума внизу, обрадовалась — вот и Оленька поднялась! Лежебока, ночами она зачитывалась любовными романами или детективами, а потом отсыпалась до вечера.

Воспоминания заворочались в голове, и Тамара поморщилась от собственной глупости.

Это Настя, наверное.

Снова телевизор, снова забытье. Едва слышное чихание в квартире на третьем этаже, топот в подъезде.

Тамара решила сходить вниз и поговорить. Ей казалось, что скоро она совсем разучится открывать рот, будет сипеть и жестами общаться с кассиршами в магазине. Еще бы, веселенькая у нее жизнь: телевизор, продуктовый, аптека и кровать.

Надо общаться, надо двигаться.

— В дохлом теле здоровый дух! — бодро повторяла Оленька, пока Тамара ходила за тонометром для нее. Оленька расплывалась по кровати и доказывала подруге:

— Это погода виновата. Вчера плюс четыре было, а сегодня сразу минус десять! Тут и молодые мучаются, а мы-то...

— А мы-то тоже нестарые! — Тамара отрывала липучку на манжете тонометра и выносила вердикт: — Девяносто на шестьдесят. Пей таблетки.

Потом мыла сваленную в раковину грязную посуду и собирала фантики вокруг дивана, подметала дощатые полы.

— Свинья! — кричала Оленьке в спальню.

— Я вообще-то болею.

— Как будто ты здоровая о квартире заботишься.

— Твоя правда. Но лучше уж быть порядочной свиньей, чем...

Тамара постучала в дверь, все же надеясь, что дверь её откроет Оленька, но нет — на пороге появилась Настя. Вытерла нос растянутым рукавом свитера и через силу улыбнулась маминой соседке:

— Тамара Николаевна, здравствуйте! Заходите, конечно...

Занавешенные зеркала припорошило бледной пылью, воздух стоял неподвижный, скорбный. Вспомнилось, как по весне вымоешь окна, натрешь стекла газетами до блеска, а через пару дней они снова стоят грязные. Вымоешь снова, а толку от этого нет. Да и вообще...

Вот, опять мысли побежали. Оленькины шампуни толпились за тумбочкой и шкафом — она всегда набирала полную корзину, чтобы потом поменьше тратиться. На шкафу пылились мягкие игрушки, сбереженные для будущих внуков, сухие веточки вербы в хрустальной вазе — отовсюду Оленька выглядывает, зовет. Вот змея, и почему так рано?..

Как будто Тамаре теперь надо жить за двоих.

В спальне бардака было больше, чем при Оленьке, — Настя вытряхивала из забитого книжного шкафа свои детские раскраски и школьные дневники, а еще сборники советской прозы о пролетариате и революции. Раскладывала книги стопками, связывала шпагатом. Старые почтовые конверты, смахивающие на пергамент старушечьей кожи, веером лежали на темном покрывале.

— Чего ищешь? — Тамара скрестила руки на груди.

— Д-документы, — прогнусила Настя. — На квартиру, на погреб. Медкнижку там, пенсионное. Надо наследство оформлять, а я даже...

— У меня бы спросила, я её вечно скорую вызывала. Полис вон в том ящике, на квартиру поищи на полке с Толстым и Буниным, очень она их не любила. Письма от сестер и мамы ее тут, это да... А! Деньги внутри дивана, разложишь и найдешь конвертик под комплектами белья постельного. И еще кошелечек она за унитазом прятала.

Настя кивала, но видно было, что она ничего не запомнит.

— Давай помогу, — вздохнула Тамара. — Все равно дома тошно, сил нет...

Через пару дней Настя с мужем и братом принялись выбрасывать Оленькины вещи, вычищать опустевшую квартиру. Тамару на подмогу не звали, еще бы — ну кому нужна толстая и неуклюжая старушенция, но Тамара следила за ними сверху. Пряталась за занавеской, прикусывала губу и смотрела, как волочатся по снежной каше тяжелые мешки из-под муки, как ползут невесомые фиолетовые шарфики, как валяются на дорогу куртки и пластиковые тарелки, как стоптанные сапоги скрываются в жадной пасти мусорного контейнера.

Тамара уходила от окна, включала телевизор погромче и все равно прислушивалась, сколько еще раз грохнет подъездная дверь.

Оленькины вещи, казалось, не закончатся никогда.

Тамара считала себя женщиной практичной и стойкой — в конце концов, когда тебе переваливает «далеко за», ты похоронила почти всех близких, а из неблизких остались три приятельницы, с которыми перезваниваешься раз в несколько месяцев, то нетрудно смириться с жизнью. Муж в пьяном угаре сломал тебе руку, и пришлось несколько месяцев мыть посуду с гипсом наперевес? Не беда, справимся. Пенсию насчитали с ошибками, а в Пенсионном фонде только развели руками, и ты покупаешь куриные бедра исключительно по акции? Ничего, не голод ведь. Умерла Оленька? Что ж, и так бывает в жизни, ничего не попишешь. Выйдешь на балкон, распахнешь скрипучую створку и помашешь подруге в небо.

А вот то, что Настя вышвыривала из мешков Оленькины вещи в мусорный контейнер, ранило Тамару не на шутку. Обида росла, крепла, и Тамара старалась не выходить из дома, когда приезжали Оленькины дети. Никита вообще с ней едва здоровался и сразу отводил глаза, а внуки навевались редко и больше болтали, чем работали. Тамара выбиралась до магазина утром или поздним вечером, когда в квартире у подруги воцарялась тишина.

Просто не могла видеть всех этих мешков, которые они с Оленькой по осени на плечи забрасывали и в погреб спускали, а там рассыпали молодую картошку во влажных комьях земли и разравнивали руками, чтобы не загнила. Не могла видеть Настиного спокойного и раскрасневшегося лица, старых огородных курток в прорехах и пятнах, ботинок в густом слое штукатурной пыли и даже скатанных половиков, ковров, которые Оленька редко, но все же терла щеткой и поливала разбавленным в тазу гелем для душа...

А потом у Тамары потек унитаз.

И все опять изменилось.

Пока Оленькина квартирка съедалась перфораторами и кувалдами, Тамара боролась с коммунальной катастрофой. Она открыла унитазный бачок, глянула на рыже-желтые стенки с намертво приставшим налетом, поцокала языком. Покрутила сливной рычаг, перекрыла воду и перебрала внутренности, но вода продолжала с шумом утекать в канализацию. И черт бы с ней, но счетчики-то послушно записывали тающую на глазах Тамарину пенсию!

— Бессовестные, — в отчаянии говорила она. — Хоть бы пожалели немного.

Она купила в «Водяном» хлипкую пластиковую арматуру и с трудом, но все же установила ее в сливной бачок. Проблемы это не решило, да еще и вспомнилось некстати, как Оленьке продали «паленый» кран, вода из которого текла мелкими струйками, и Тамара с коробкой наперевес отправилась на разборки.

— Вот, — жажнула она смесителем по стеклянной витрине, чудом ничего не разбив. — Вода не бежит, товар бракованный. Возвращайте полную стоимость.

— Чек, пожалуйста.

Тамара глянула на сконфуженную Оленьку, которая пряталась у нее за спиной. Оленька долго копошилась в мятых записочках и шелестящих инструкциях от таблеток, перевернула всю сумку несколько раз, но чек все-таки нашла. Продавщица покосилась на него и отказалась помогать им:

— Две недели прошло, товар обмену и возврату не подлежит.

Да, они затагнули немного, но ведь время было садово-огородное, абрикосы пошли! Пока наберешь их в пластиковые ведра, пока повырезаешь мясистых белых червяков, отделишь мякоть от косточек и наваришь с сахаром... Только сегодня у Тамары руки до магазина дошли.

— Отлично, — хищно улыбнулась она. — Директора сюда.

— Тома, давай мы просто новый купим, сами же... — Оленьку было едва слышно.

— Нет, милая, не сами! Кран бракованный, вода не течет. Надо защищать права покупателей.

Тамара переполошила весь магазин, закатила скандал с криками и звонками в Роспотребнадзор, но смеситель все же обменяла на новый. Багровая Оленька несколько раз пыталась сбежать на улицу, но Тамара крепко держала ее за рукав дешевенького плаща. Вдвоем они и управились с этой проблемой.

И вот бачок этот злосчастный. Тамара саданула его отверткой. На улице громко выматерился Никита, зазвенели и хрустнули об асфальт пустые трехлитровые банки.

Потом, конечно, обзвонила приятельниц и узнала телефон мастера, который смог бы и сделать на славу, и последние колготки с Тамары не снять. По ночам бачок всхлипывал и гнусаво ныл, Тамара вертелась на жесткой кровати и бухтела, чтобы воспоминания об Оленьке проваливались на все четыре стороны. С комода на нее поглядывала фотография, которую Тамара выпросила у Насти на память. Рядом стояла рюмка с водкой, накрытая окаменевшей корочкой черного хлеба. Тамара уже подумывала, не начать ли ей разговаривать хотя бы со снимком.

А потом на пороге появился он.

— Здравствуй, хозяйка. — Серый невыразительный голос. — Показывай свою беду.

Поразмыслив, какую же из бед ему лучше показать, Тамара наконец махнула рукой в сторону туалета.

Позже она уверилась, что Виктора в одинокую ее квартирку послала судьба или небесные силы, но каждый раз ухмылялась этой мысли и, чтобы глупостями голову не забивать, шла мыть полы и вывешивать сырое белье из стиральной машины. Виктор оказался неразговорчивым и спокойным, толстое брюхо нависало над худыми ножками-палочками, спина была горбатой, а руки мосластыми. Седые волосы он сбрасывал почти под ноль, часто кашлял и много курил, по нескольку раз за день бегая на балкон и пропитывая ажурные занавески горьким желтым дымом.

Тамара не противилась.

За первые десять минут он ловко перебрал внутренности в бачке, открыл вентиль с холодной водой, и унитаз не завыл ему в ответ. Виктор скромно улыбнулся:

— Руки можно помою?

В ванной он потоптался на резиновом коврикe, глянул на кран и заметил как бы между прочим:

— И тут беда. Капает.

— Есть такое, — крикнула Тамара из коридора. — Но если я еще и кран куплю, то потом месяц его грызть буду.

— Я могу подтянуть. — Он намылил руки и, чуть подумав, добавил: — С большой скидкой.

— Буду рада, — ответила она и улыбнулась.

С тех пор он частенько захаживал к ней: то кран починить, то за плитусами щели промазать, то в плите поковыряться... Тамара ходила за ним следом и спрашивала, не нужны ли мастеру чай или вода, а может, Виктор вообще согласится пообедать?

Виктор соглашался. Ел наваристый кислый борщ на говяжьей кости, закусывал печеночным салатом, а на десерт его ждали то рассыпчатые корзиночки с белковым кремом, то эклеры со сгущенкой, то... Теперь Тамаре было из-за чего вставать по утрам. Она даже телевизор на кухню переправила — честно говоря, попросила об этом Виктора, и он помог, даже денег не взял, — и теперь слушала любимые сериалы, не отрываясь от готовки. Да, пускай эклеры прилипали к непромасленному пергаменту, а борщ она то и дело забывала посолить, но гость ел с большим аппетитом и удовольствием. Когда Виктор пропадал надолго, шабашил в других местах, то она заранее мариновала куриные бедра, искала рецепты в толстых тетрадях с наклеенными газетными вырезками или выдумывала, чего бы такого соорудить.

На тоску по Оленьке времени почти не оставалось.

Пока однажды у Тамары не закончились грецкие орехи.

Виктор к тому времени предложил ей выложить плиткой полы на кухне — те были старыми и скрипучими, из-под каждой половицы дуло, а плитка будет на века, ни один ветерок не проскочит. Так, по крайней мере, уверял Тамару Виктор, и она соглашалась. Тем более что он

и с плиткой помог, договорился с кем-то взять подешевле — ее вроде как отколупали из бассейна в заброшенном детском лагере, но на вид она была очень даже ничего. И вот, замерзая даже в шерстяных носках (это Оленька купила их на улице у пропитой продавщицы, которая каждое утро доставала складной стол и вываливала сорочки, свитера и нижнее белье под льющийся с неба снег), Тамара готовила для Виктора свой любимый салат, «Белочку». Тертая сырая морковь, плавленые сырки «Дружба», вареные яйца — все щедро промазать майонезом и сверху присыпать жареным грецким орехом.

Орехов не было ни в одном навесном шкафчике. Даже прелых или сухих, даже с мелкими коричневыми жучками в одном пакете. Ничего удивительного — стояли грецкие орехи теперь столько, что Тамара могла позволить их лишь по праздникам. Но какая же «Белочка» без пары толченых орешков?..

В квартире у Оленьки скребли шпателями по стенам, сдирали мягкие обои, которые Тамара так любила разглядывать. Вот тут Оленька отмечала, как растет Никита. Там, за диваном, Настя пыталась нарисовать дракона зеленой гуашью, а потом долго редела из-за его кривых глаз и ушей. А вот тут Тамара, помогая подруге передвигать мебель, углом стола оставила глубокую царапину: «Но почти не видно же, Оль, ну чего ты куксишься, ну куплю я тебе рулон обоев»...

Оленька отмахивалась и повторяла, что тогда всю комнату переклеивать придется, а на такие подвиги она еще не готова. Теперь внизу разбирали шкафы и по досочкам выносили их к мусорке, ломали антресоли и сколупывали со стен краску...

Тамара вздохнула и засобиралась в магазин.

Когда она возвращалась домой с пригоршней грецких орехов, пакетом кефира и карамельками для чая, в дверях подъезда появилась раскрасневшаяся Настя. Тамара придержала дверь, поджала губы.

— Тамара Николаевна, здравствуйте! Так давно не виделись, я думала, что вы болеете... Как дела ваши?

— Хорошо все. Ремонт у меня, — сказала она и тряхнула пакетом с орехами, как будто они все объясняли.

Настя понимающе кивнула и перетащила через порожек очередной мешок с Оленькиными вещами.

Четыре дня прошло с похорон, прежде чем они бросились уничтожать Оленькину память. Не девять, не сорок. Четыре. Глупо было думать, что квартиру законсервируют, как музей, чтобы Тамара спускалась и бродила по комнатам, щупая теплые от батарей занавески и сдувая пыль с керамических ангелочков. За коммуналку надо было платить каждый месяц, последний ремонт Оленька затевала лет пятнадцать назад, да и вообще...

Из мусорного мешка выглядывало старое тусклое панно: олень на фоне лучей восходящего солнца. Металлический отблеск скользнул по картине, и Тамара застыла как замороженная.

Настя предложила ей:

— Заглянете? Мы столько всего сделали, хоть и разруха вокруг...

Тамара молча кивнула. Настя поволокла мешок на помойку.

В квартире стоял грохот — Никита перфоратором долбил перегородки, Настин муж Алексей сбрызгивал старые обои из пульверизатора. Тамара остановилась в облаке бетонной пыли и огляделась по сторонам.

Квартира осиротела. Из коридора пропали рога и зеркало с черными завитками, тумбочка упокоилась на свалке. В зале больше не было акварелей в рамочках, исчезла верба. Ничего тут не осталось от Оленьки, будто она и не жила здесь никогда. Разведенная в тарелках белая шпателька пахла мелом, пятна клея подсыхали на полу, а стены стояли серыми и пустыми. Тамара устало прислонилась плечом к разломанному дверному косяку.

— Вы тут не смотрите. — Это Настя выросла за плечами. Она добродушно улыбалась и тянула чумазыми пальцами Тамару за рукав: — На кухню зайдите лучше, там уже почти готово.

Тамара прошла на кухню в ботинках, прижимая кулек с грецкими орехами к груди.

Новые стены, белая потолочная плитка. И только линолеум прежний, истоптанный ботинками и исплеванный кляксами штукатурки. Тамара хмыкнула, подумав, что для такого свинтуса, как Оленька, это было бы даже не катастрофой. А вот в груди потянуло — обои с нарисованными шпротами и малосольными огурчиками в бледно-голубых клетках, которые Оленька привезла еще с Севера, тусклые шкафчики и старенькая плита, согревавшая Тамаре спину во время посиделок... Все исчезло. Другая кухня, совсем другая. Никаких растрескавшихся от корней цветочных горшков, никаких набросанных ложек и вилок на тумбе возле раковины, даже раковины больше нет.

— Красиво? — спросила Настя, стягивая с плеч рваную куртку.

Тамара кивнула. Сказала хрипло:

— Руки можно помыть?..

— Ой, — Настя засуетилась. — Только в ванной если. Но там грязно.

Не слушая ее, Тамара уже зашла в тесную клетушку. Знакомо мигнула лампочка под потолком. Тамара вечно на Оленьку ругалась:

— Я, что ли, тебе должна плафон покупать? Живешь как бомжиха! Одна жалкая лампочка на проводе...

— Мне хватает!

— Всего-то тебе хватает, ты бы и в коробке на мусорке жила и радовалась.

— А что плохого-то? — беззлобно улыбалась Оленька, но плафон все равно не покупала.

И вот она, лампочка. Вот она, ванна в ржавых потеках, такая же, как у Тамары, только в этой ванне лежит здоровенная кувалда, будто меч из камня торчит. Настя тут же влезла в Тамарины мысли:

— Ванну мы разобьем и на металлолом сдадим, чугунина же. Кафель положим, краску вот со стен топором сбивали, жуть. Тут еще выравнивать надо, пляшет все, но это кафельщиков работа.

Тамара сунула руки под кипяток и стиснула зубы.

— Вижу, повыбрасывали уже все... А доска тут лежала поперек ванны, помнишь, на краю? Широкая такая, почти черная. Оленька туда тазы составляла, баночки и склянки.

С пальцев капала горячая вода.

Настя скрестила на груди руки.

— Помню, конечно.

— А помнишь, как ты в детстве под эту доску любила нырять? Смотрела, как капельки с нее в воду падают. — Тамара заулыбалась воспоминаниям. — Оленька тогда заглянула в ванную, а в воде только ноги твои, головы не видно... Оленька в крик. Я прибежала на помощь, мы тебя давай выволакивать, а ты вынырнула, воду выплюнула и затараторила, какие там капельки красивые. Оленьку чуть инфаркт не хватил.

— Не помню.

— Не помнишь? — Тамара заморгала. — Ты же каждый раз там пену под доску загоняла, булькала, играла...

— Может, вы перепутали что-то? Да и выбросили мы доску, гнилая она. Я пойду, там обои сохнут. Надо шпателем их ободрать.

Тамара закивала и поплелась к выходу.

«Белочку» с обжаренными орехами съели за пять минут, и Виктор принялся выкладывать пол мелким бледно-голубым кафелем. Тамара извинилась:

— Я прилягу, наверное. Справитесь без меня?

— Конечно, хозяйка. Отдыхайте.

А ночью, мучаясь от бессонницы, Тамара пошла к помойке. У плетеной сетки для пластиковых бутылок стояла икона в облезлой раме — выбросить икону в бак у Насти рука не поднялась, и Тамара прижала образ к себе. Над Оленькой, которая вечно с куличами бегала в церковь, а по субботам порой уходила на службу, Тамара посмеивалась, но теперь икона превратилась в Оленькину память и никак нельзя ее было оставить на улице. Тамара забрала еще и картину с оленем, вытянула из кучи строительного мусора в баке чудом уцелевший халат — черный, с зелеными завитками и мелкими темно-синими бутонами несуществующих цветов, Оленька часто в нем навевалась в гости. Халат пах морозом, гнилыми помидорами и ремонтом.

Тамара собрала все, до чего смогла дотянуться, поволокла к себе в квартиру. Только сейчас она заметила, что неподалеку все это время топтался сухонький старичок и бросал на Тамару тяжелые взгляды. Он поспешил к баку сразу же, стоило ей только уйти к подъезду.

Затошнило.

...Каждый день Настя с мужем и братом таскали строительный мусор, ленты обоев, доски, но теперь Тамаре стало чуть легче дышать. Только раз она отошла от окна, когда они всей толпой выволакивали замызганный и разломанный на половинки диван. В конце концов, не потащит же Тамара к себе и его в придачу?

Тем более что ремонт в ее собственной квартире не умолкал даже по выходным. Виктор сбавлял для Тамары цены, нахваливал ее пустые супы и гречку с луком. Пол на кухне обрастал кафелем, а Тамара присматривалась к Виктору со все большим интересом.

Он редко рассказывал ей о себе. Не женат, детей нет, всю жизнь работал на стройках и режимных объектах, а теперь шабашит, потому что невозможно прожить на пенсию в двенадцать тысяч рублей. Клеит обои, штукатурит стены, развлекает Тамару. Горбатый и невзрачный, он слушал Тамару так, что она начинала скучать без него.

Сначала Тамара рассказывала про сериалы и политические ток-шоу, то и дело извиняясь:

— Вам это, наверное, совсем до лампочки...

— Почему, — отвечал он, орудуя сразу двумя шпателями. — Зато радио с собой брать не надо. С вами повеселей.

И Тамара знала, что он говорит это из вежливости, но все равно не уходила. Притаскивала табуретку, усаживалась и болтала обо всем на свете. От бесед о природе и погоде понемногу перешла к воспоминаниям, потом поделилась историей про Оленьку, и боль от потери, казалось, с каждым новым словом выходила из ее груди. Виктор кивал, почти не отвечая, но ей и не нужны были слова сочувствия.

Когда с кухней закончили, Виктор взялся чинить застекленный балкон. Его много лет назад сколотил местный столяр, который тоже приехал с Севера, но в жарком степном городе так и не прижился — уехал, оставив после себя балконы и шкафы из разномастных досок во всю стену.

Тамара куталась в шаль, застегивала сапоги и глядела, как Виктор прикручивает блестящие петли на дверцы.

— А детей... почему детей у вас нет? — спрашивала она тихонько.

— Не знаю. — Он пожимал плечами. — Не пришлось как-то.

Молчание. Скрип, звон падающих болтиков.

Тамарин тяжелый вздох.

— А вы?... — Он едва ли не впервые задал ей вопрос.

— Врачи сказали, что никак. — Слова сорвались сами собой, и Тамара застыла. Виктор спокойно кивнул и завозился с новым болтом.

— А вообще, вдова я, никого не осталось. Только вы и заходите.

— Зато квартира какая красивая будет, а?

— Это точно.

Потом он выложил кафелем стены в ванной, переклеил обои в прихожей, покрасил шкафы. Что-то из этого она могла сделать и сама, но гораздо приятней было сидеть вот так на табуретке и говорить, говорить, рассказывать о жизни и видеть скудные кивки в ответ.

Она не верила в сказки. Понимала, что это сугубо рыночные отношения, да и не рассчитывала на любовь в их возрасте. Не строила планов, не давила на Виктора, замечала, как он иногда вздрагивает и морщится от ее слов, как прячет голову за сутулыми плечами, и уходила в другую комнату. Ждала его прихода на балконе и махала рукой, пока он весело

вышагивал к ней, размахивая тощим пакетом. Встречала на пороге и чувствовала себя девчонкой.

И так это было хорошо, так сладко, что не должно было заканчиваться никогда.

Первыми закончились деньги.

В очередной раз Тамара раздала долги и поняла, что жить ей почти не на что. Все ее сбережения, все гробовые ушли на плитку и обои, на клей и шпатели, на работу Виктора, да и нечего уже было отремонтировать или красить-белить, как бы они ни искали. Поняв, что больше ремонтов она не потянет, Тамара долго сидела на кухне и гладила стену с квадратиками белого кафеля. Сбоку на одном из них был острый скол, и она то и дело цеплялась за него пальцами.

А потом встала, выключила свет и пошла дышать на балкон.

На следующий день она накормила Виктора ватрушками с творогом, самым дешевым, почти без вкуса. Сама поела перловой каши, позвякивая ложкой по тарелке. Молчал по привычке Виктор, горбилась Тамара. Снизу гудел перфоратор, кажется, там вешали полки.

— Ну, с чем еще помочь? — спросил Виктор, устав вглядываться в бледное Тамарино лицо.

— Да нечего уже ремонтировать. — Она слабо улыбнулась, не поднимая глаз. — Весь дом в кафеле, красота, чистота. Ничего не капает, не скрипит. Спасибо.

— Да пожалуйста. — Он отодвинул от себя кружку с недопитым чаем, чуть расправил спину. — Может, походим, поглядим?

— Не думаю. Пенсии у меня впритык, только на макароны и осталось, видите, даже разносолами не кормлю. Да уж, такая жизнь у современной пенсионерки.

Он покивал вежливо. Поглядел на разложенные инструменты, потер глаза.

— Ну что, прощаться тогда будем?

— Будем.

В прихожей он с трудом натянул куртку, долго возился со шнурками на ботинках. Тамара стояла рядом и куталась в шаль, хоть от жара из нагретой кухни на лбу уже выступили капельки пота.

— Вы это... — пробормотала она хрипло. — В гости заглядывайте. Чаю попьем, пообщаемся.

Лицо его вытянулось.

— Зайду, — соврал он. — Потом когда-нибудь. Работы сейчас много.

— Заходите. Я буду ждать, — не соврала она.

И дверь закрылась.

Она еще видела его, когда Виктор прибежал в квартиру к Оленьке: кажется, он договорился с Настей по поводу кафеля и теперь сутками пропадал внизу. В стены долбили, стены сверлили, стоял грохот и гам. Стук бил Тамару по голове, она пряталась под подушкой и мечтала, что

этот кошмар скоро закончится. Она снова притащила телевизор в комнату, теперь уже сама, но от мыльных опер тошнило, а визгливым участникам ток-шоу хотелось двинуть по физиономии.

В окнах напротив расцветали гирлянды, дворники по утрам расчищали дорожки, и Тамаре хотелось выйти на улицу и попросить лопату. Она гуляла по вечерам, общалась с собачниками — чаще всего приклеивалась к неторопливой Гуле, толстенькой и добродушной, но Гуля на все Тамарины рассказы отвечала только: «И не говорите... Это точно... Да-а-а, ну и жизнь...» А потом подхватывала мопса и торопливо скрывалась в подъезде. Раньше стареньких мопсов было два, потом остался один, да и тот вечно заваливался на бок или, увязнув в сугробе, жалобно звал хозяйку на помощь. Все окрестные соседки гадали, когда же Господь приберет к себе и этого бедолагу.

Понемногу прогулки сошли на нет.

И Тамара отлеживала бока на кровати, смотрела новости и пекла хворост на водке, а потом уплетала его вечера напролет. Жирные бока становились все жирнее, на бледном лице проступили морщины и красноватые прыщи. Тамара вспоминала то Оленьку, то Виктора и мечтала, чтобы у нее сломались стиральная машинка, унитаз и отвалился весь кафель на кухне. Подумывала даже взять кредит на очередной ремонт.

Вечером тридцатого декабря в дверь позвонили. Тамара долго сползала с кровати, охала и проклинала беспомощное тело. Позвонить успели еще три раза, прежде чем Тамара распахнула дверь.

Настя держала в руках легкий пакет и выглядела встревоженной:

— Тамара Николаевна, у вас все хорошо?

— Нормально, — каркнула Тамара и сразу устала от этого разговора.

— Я это... Слышу, что кашляете.

— Продуло немного.

— Это бывает, да... Помощь не нужна? В аптеку сходить, за продуктами?

— Пока справляюсь.

— Это хорошо. — Настя достала из пакета две светло-зеленых коробки. — Это грудной сбор, мамин. Она побольше брала, когда скидки... Вот я и подумала, вдруг вам пригодится.

— Спасибо, — Тамара нехотя улыбнулась. — Еще что-то?

— Да. Я в шкафу нашла конверт... Там было написано: «На Новый год для Томочки». Вот, к празднику и принесла.

Тамара молчала. Глядела на желтый конверт с маркой в три копейки, нарисованной в углу.

Несколько лет назад Тамара подарила Оленьке на Новый год ангела с проволочными крылышками, а Оленька ей — фарфорового тигра. На следующий год Тамара выбрала косоглазого Деда Мороза, а Оленька — елочку с криво нарисованными шариками. Еще через год Тамара подарила огромный пакет стирального порошка, а Оленька — шкатулку с балериной.

И Тамара не выдержала:

— Мы так и будем пылесборниками обмениваться?

— Почему пылесборниками? — Оленька поджала губы. — Краси-

во же...

— А я предлагаю дарить полезные вещи.

— Например?

— Например, хлебопечку. Буду тебе буханки таскать, свеженькие.

— А мне путевку на Мальдивы тогда, — сощурилась Оленька.

— Сдурела?! Чего ты забыла на Мальдивах этих? И откуда я денег столько возьму?

— А, ну то есть на хлебопечку мне денег хватит? — Не хватит разве? В складчину если, конечно.

— Нам и в складчину не хватит! — всплеснула руками Оленька. — Не подойдет.

— Давай тогда придумывать, что лучше.

И Оленька придумала. Подарила Тамаре лотерейный билет и приписала сбоку: «На хлебопечку для попрошайки».

И вот она, новая лотерейка. Каждый год они обменивались билетами, вместе смотрели программу и зачеркивали номера, а потом хором ругались, что это все обман и лохотрон. Только раз Оленька выиграла пятьдесят рублей, но это даже не окупило стоимость билета. Подруги все равно не сдавались, надеясь, что рано или поздно разбогатеют, купят хлебопечку и отправятся на Мальдивы, перед этим обязательно наделав бутербродов из свежего домашнего хлеба.

Тамара в этом году билет не покупала. А Оленька, надо же, умудрилась поздравить даже с того света.

— Вот Олька, вот артистка... Настя, ты, может, чаю хочешь?

— Нет, спасибо, дела у меня. А знаете что? Приезжайте к нам завтра праздновать! Чего вам одной куковать?

Она выпалила это одним махом, и в глазах мелькнул страх. А вдруг эта тетка и вправду согласится?

— Нет уж, я новоселья дождусь. — Тамара закашляла в кулак. — А вы зовите, если что. Не пропадите.

— Не пропадем, — горячо сказала Настя.

Тамара вернулась в комнату, выключила телевизор и положила лотерейный билет на стол. За окном, медленно оседая в белом фонарном свете, кружились пухлые снежинки. Тамара подумала, что если бы она жила в сказке, то Виктор пришел бы к ней завтра с елкой, помог достать облезлую мишуру и стеклянные шарики с антресолей, а потом долго хвалил тарталетки с имитированной щучьей икрой. Они бы непременно выиграли в лотерею, и им хватило бы если не на Мальдивы, то на очередной ремонт.

Но Тамара знала, что никаких денег она не выиграет и никакой Виктор к ней не придет.

И все равно улыбалась.

Не знала она, что устроит дебош у Насти на новоселье, перебрав с беленькой. Не знала, что придет мириться с медовиком в руках и Настя на новой Оленькиной кухне будет фальшиво нахваливать Тамирину стряпню. Не знала, что одним осенним днем она проснется от младенческого крика в квартире снизу и только тогда поверит, что Оленьки больше нет. Не знала, как будет ходить кругами вокруг дома, чтобы разогнать жир с боков, а потом возвращаться и играть с Мишкой, Оленькиным внуком.

Всего этого она не знала и знать никак не могла, а поэтому просто сидела и смотрела на снег.

Широкая улыбка не сходила с ее лица.

